СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Глава 1. Интерес к языкам в XVI в. 20
Священные, классические и варварские языки 20
Гуманизм и занятия классическими языками 23
Библейская экзегеза 27
Институционализация изучения языков 32
Миссионерская лингвистика 35
Генеалогия европейских языков 37

Глава 2. Первые книги-полиглоты 43
Гийом Постель и Тезео Амброджо дельи Альбонези 45
Теодор Библиандер 55

Глава 3. Конрад Гесснер на пути к «Митридату» 62
Детство и школьные годы в Цюрихе 63
Peregrinatio academica: поездки в Страсбург и Париж 68
Университет в Базеле, редактирование греческо-латинского словаря 76
Преподавание греческого в Лозанне 81
Получение докторской степени, возвращение в Цюрих 83
Работа над всеобщей библиографией 87

Глава 4. Филологические занятия Гесснера 95
Словари 96
Издания классических и новых авторов, переводы с греческого 100
Антологии и энциклопедии 106
Предварительные итоги 113

Глава 5. «Митридат. О различиях языков» (1555): концепция, структура, источники . . . 115
История создания . . . 115
Замысел и содержание . . . 121
Содержание и компилятивная форма алфавитной части «Митридата» . . . 129
Какие языки знал Гесснер? . . . 135
Источники сведений о языках в «Митридате» . . . 138
Славянские языки . . . 141
Венгерский язык . . . 148
Латинский язык и его «отпрыски» . . . 153

Глава 6. «Митридат» и вопросы германистики . . . 160
Предварительные замечания . . . 160
Глава «De lingua Germanica». Этимология и филология . . . 165
Вопрос о галльском языке . . . 178
«Галльский», он же «французский», он же «немецкий»? . . . 187
Краткие выводы . . . 200

Глава 7. Новолатинский ономастикон и музей языков . . . 202
Словарь глоттонимов . . . 202
Таблица переводов «Отче наш» и классификация языков . . . 205
Другие specimina linguarum . . . 213

Заключение . . . 218

Библиография . . . 222
Электронные ресурсы и справочники . . . 222
Источники . . . 223
Исследования . . . 229

Указатель имен . . . 248

Предисловие

11 августа 1563 г. цюрихский врач, профессор протестантской академии *Collegium Tigurinum* Конрад Гесснер написал очередное письмо своему постоянному корреспонденту и коллеге в Аугсбурге Ахиллесу Пирмину Гассеру. Послание выдержано в неизменно деловом стиле, но рассказ о новостях получился весьма разносторонним. Его текст позднее был издан в сборнике «Epistolae medicinales» (1577), который, в соответствии с заглавием, включал письма медицинского содержания. Однако, как будет видно, лечебные вопросы были далеко не единственным предметом размышлений Гесснера в тот день, как, впрочем, и всегда.

> Возвращаю тебе твоего Отфрида[1], поскольку не могу здесь найти для него издателя. В других местах его не согласились бы взять, не посмотрев предварительно. Я буду помнить о нем и, если позже представится возможность, смогу показать [издателям] образец, отчасти списанный с твоей рукописи, отчасти присланный мне другим [корреспондентом], но сверенный с твоим списком и исправленный по нему. Пока же я хочу поблагодарить тебя за то, что благодаря тебе я смог насладиться столь замечательным образчиком древнего немецкого языка. Если когда-нибудь я буду вновь издавать

[1] Речь идет о «Евангельской книге» («Evangelienbuch») Отфрида из Вейсенбурга (IX в.), соединившего все четыре Евангелия в одно повествование на древневерхненемецком языке.

мой πολύγλωττος «Митридат», то добавлю в него образец[1] из этой книги, с почетным упоминанием твоего имени. Прошу тебя, пришли мне также имеющиеся у тебя готские письмена, чтобы я мог сравнить их с моими [образцами], и, если найдется, что-нибудь, что могло бы украсить наш «Митридат», — [сведения] о любом языке мира, но в первую очередь — о древнем языке Германии. Об Авентине[2] Фробены больше мне не пишут: вероятно, не доходят до него руки после смерти отца[3], тем более что они не видели самой книги. Господин Иллирик[4] мог бы прислать мне хотя бы какую-нибудь ее часть — половину, треть или четверть, — чтобы я сперва посмотрел сам, а затем отправил в Базель, моему надежному другу. Тогда, если Фробены не согласятся, он покажет [текст] другим издателям; я не сомневаюсь, что найдется тот, кто возьмется за него на тех условиях, о которых я тебе писал прежде. В любом случае эта книга должна быть проверена, причем передана для инспекции мужам, которым магистрат поручил, чтобы ничего не выходило в свет без их одобрения. Так что если в ней окажется что-нибудь, что может оказаться оскорбительным для государства, то г-ну Иллирику следует позволить исключить это [из текста], если не получится добиться публикации иным способом. Что касается меня, то я с великой охотой и надежнейшим образом готов оказать ему свои услуги в этом вопросе, если в них обнаружится потребность, тем более что поручителем выступаешь ты, кого я заслуженно считаю лучшим своим другом.

Недавно мне ответил г-н Юлий Александрин[5] в письме, посланном в Вюртемберг к врачу г-ну Кегелю[6]: он добился для меня им-

---

[1] О функциях языковых образцов (specimina) в книгах-полиглотах см. ниже в Главе 2.

[2] Т. е. о немецком переводе «Баварской хроники» Иоганна Авентина (1477–1534): его первое издание в результате вышло только в 1566 г. во Франкфуртена-Майне (VD16 T 2320).

[3] Т. е. Иеронима Фробена (1501–1563), наследника Иоганна Фробена; после смерти Иеронима печатное дело продолжили его сыновья — Амброзий и Аврелий.

[4] Маттиас Флациус Иллирийский (1520–1575), см. о нем подробнее в Главе 5.

[5] Юлий Александрин (1506–1590) был лейб-медиком императора.

[6] Возможно, имеется в виду Иоганн Кегель из Равенсбурга — ср. (Wankmüller 1950/1952, 76).

ператорской привилегии на несколько моих книг — впрочем, это скорее принесет пользу не мне, а издателям. Вчера до нас дошел слух о кончине императора, не знаю, правдив ли он[1]. Посылаю письмо от сестры. Отфрида ты сможешь получить у вашего книготорговца, которому обыкновенно посылает книги Фрошауэр[2]. Больше [об этом] мне нечего прибавить. Господин Иоганн Функе, мой свойственник и главный врач в Меммингене (будучи внуком брата меммингенского градоначальника, он взял в жены дочь другого, покойного уже градоначальника), гостил здесь недавно несколько дней у своей матери: передаю это письмо вместе с ним. Он обещает, что может доставлять наши письма друг другу каждую неделю и что охотно этим займется. На днях мне написал наш Георг Сигхарт[3] и упомянул о благодеяниях, оказанных ему тобой и г-ном Штенгелем[4]: поэтому я, в свою очередь, благодарю вас и прошу оказывать ему доверие и впредь, если он проявит надежность и прилежание, на что я надеюсь.

Не удивляйся, но в том маленьком сосуде, присланном мне из Эйслингена, находились тестикулы кастрированного коня, впрочем, плохо высушенные и потому червивые и загнившие, так что я их сразу выбросил. Я просил об их присылке эйслингенского фармацевта Фольмара[5], моего друга, поскольку здесь их непросто раздобыть; однако ему следовало разрубить их на мелкие кусочки и высушить на дыму в таком виде, а не целиком. Об их употреблении, если не ошибаюсь, я писал тебе в другом [письме]: но поскольку я не вполне помню, действительно ли написал [об этом], повторю здесь, чтобы ты затем передал это твоему свойственнику г-ну Штенгелю. Порошок тестикул, высушенных таким способом, следует давать пить для выведения последа — в количестве, которое

---

[1] Слух был ложным: император Фердинанд I умер через год, в июле 1564 г.

[2] Цюрихский книгопечатник Христоф Фрошауэр-старший (ок. 1490 — 1564), издатель важнейших трудов Гесснера.

[3] Вероятно, имеется в виду аугсбургский аптекарь Ханс Георг Сигхарт (fl. 1577–1605).

[4] Лукас Штенгель (Штенглин; 1523–1587), доктор медицины, аугсбургский врач, с 1582 г. декан *Collegium medicum*.

[5] Себастьян Фольмар (fl. 1583).

можно взять тремя пальцами; при необходимости это повторяют дважды или трижды. Лекарство очень действенное, и оно помогло многим из тех, кто казался безнадежным. Первый раз в этом году я получил его из нашей Альпийской Реции: один крестьянин из тех мест давал его более чем пятидесяти роженицам, и всякий раз успешно. Об этом мне сообщил церковный служитель, ученый муж и φιλίατρος[1], который и сам наблюдал, как [это лекарство] дали жене консула, когда та уже казалась безнадежной. И я на днях дал его жене г-на Вольфа[2], цюрихского врача, которая сразу, как только приняла [лекарство], родила послед. Может ли оно оказывать такое же действие и при родах самого плода, я пока не знаю. Храните эти сведения в тайне[3]. Будь здоров! Поприветствуй от меня г-на Штенгеля и друзей. В Цюрихе, 11 августа 1563 года[4].

Итак, издание трудов, связанных с германскими древностями («Евангельской книги» Отфрида и немецкой версии «Баварской хроники» Авентина), и врачебная практика, особенно получение материалов, необходимых для приготовления лекарств (речь идет о медицинском употреблении конских тестикул), были основными темами письма. И та, и другая сфера деятельности подразумевала активную коммуникацию, имевшую как интеллектуальный (обмен знаниями), так и практические аспекты (доставка писем и посылок, оказание взаимных услуг). В письме освещается взаимодействие авторов-ученых с книгопечатниками: из отдельных фраз мы узнаем о том, как происходили поиски подходящего издательства, как пересылались рукописи, как получались привилегии и как осуществлялась предварительная

---

[1] «любитель медицины» — у самого Гесснера был псевдоним *Philiatros Euonymus*.

[2] Каспар Вольф (1532–1601) — бывший студент, а впоследствии душеприказчик и издатель некоторых из трудов Гесснера. Вольфом был составлен 1600-страничный «Thesaurus medicinae practicae», в который вошли многочисленные записи, сделанные Гесснером.

[3] «tanquam mysterium». Характерное указание при пересылке рецептов: для сохранения тайны от фармацевтов Гесснер иногда в таких случаях использовал греческий язык.

[4] (Gessner 1577, 26b-27a). Здесь и далее, если не указано иное, переводы выполнены автором книги.

цензура. На этом фоне события семейной жизни и политика упоминаются лишь мельком, как и в других письмах Гесснера. Впрочем, они также были связаны с конкретными людьми, поэтому их имена названы в тексте: всего в тексте можно насчитать 14 «действующих лиц», не считая автора и адресата. Наконец, в письме названо сочинение Гесснера — справочник о языках мира «Митридат», первое издание которого вышло в Цюрихе в 1555 г.

Поскольку «Митридат» будет в центре внимания во второй части нашего исследования, я не буду представлять его заранее. Здесь отмечу лишь несколько деталей, непосредственно следующих из текста письма: они сообщают кое-что о том, *как* проходила работа над составлением книги, т. е. характеризовали образ деятельности ученого. Во-первых, из просьбы Гесснера следует, что он не поставил точку в исследовании «различий» языков («differentiae linguarum») в 1555 г., с появлением публикации «Митридата», и продолжал его, полагаясь на помощь своих корреспондентов, причем новые материалы должны были стать дополнениями к уже имевшемуся тексту, то есть основа и концепция книги оставались прежними. Во-вторых, примечательно определение, которое автор дал своему труду, — «говорящий на многих языках» (πολύγλωττος[1]); эта способность была важнейшим дифференциальным (жанровым) признаком книг-полиглотов; существенную роль в «полиглоссии» играли языковые «образцы». В-третьих, изучение языков являлось для Гесснера своего рода πάρεργον, дополнительным занятием, наряду с деятельностью городского врача и насущными заботами члена Республики ученых; материал о языках собирался по случаю, с оказией. Представляется, что все три аспекта, несомненно связанные с биографией Гесснера (которая будет изложена в Главе 3), имели также более общее значение и существенным образом отличали практику изучения языков и их сопоставления в раннее Новое время.

[1] Для выражения этого смысла используется иноязычный термин, на практике воплощающий идею многоязычия.

Авторы первых трудов о языках мира охотно черпали готовый материал из доступных литературных источников. Однако интересы ученых-предшественников, работавших в Античности и Средние века, редко касались языков за пределами «цивилизованного» мира, говорившего и уж точно писавшего на латыни и греческом. В результате эти языки ученым-гуманистам XVI в. приходилось «открывать» заново. Постепенно в поле их зрения попали восточные языки оригинала и древних переводов Библии, новые языки европейских народов (независимо от их литературных достоинств), а также языки далеких земель, ставших объектом европейской колонизации. Чтобы получать сведения о языках и диалектах, обойденных вниманием классической традиции, требовалось совершать путешествия, работать с информантами, обмениваться письмами с другими учеными, читать документы, хранящиеся в архивах. Все эти типы источников то и дело упоминаются в тексте *книг-полиглотов* (как я буду называть их, используя аутентичный термин из приложения к «Митридату»[1], повторенный затем в письме Гесснера).

Что же представляли собой такие книги? Если обратиться к титульным листам изданий, мы обнаружим самые разные жанровые определения — «алфавит», «введение», «комментарий», «сокровищница» и т. д. С некоторой осторожностью их можно определить как лингвистические справочники, имея при этом в виду, что содержательно они заметно отличались от привычных нам справочных изданий, подразумевающих алфавитное или систематическое расположение материала, наличие заголовочных слов и дефиниций, библиографических списков и т. д. История книг-полиглотов отражала поиск формы для нового научного материала — сведений об известных языках мира, число которых постоянно росло. Для обозначения самого факта их существования и классификации языков не хватало известных прежде и узаконенных рамок — латинской грамматики, словаря, комментария к Библии или истории народов. Разумеется, постоянно делались попытки применить эти дискурсы к описанию

[1] См. в Главе 5.

языкового многообразия: этимологии слов и само возникновение языков связывались с историческими и легендарными событиями, составлялись многоязычные лексиконы и т. д. Однако языковой материал поступал в Западную Европу в столь значительном объеме, что начал образовывать некий самостоятельный предмет, для полноценного изучения которого в науке еще не было инструментов и метода.

В силу общей тенденции науки XVI в. к созданию «репертуаров» (хранилищ) знания, прежде метода исследования появилась *форма хранения* сведений о языках: книги, содержавшие образцы языков («specimina linguarum») самого разного типа (от подборок слов до текстов), снабженные переводами и/или транскрипциями, а также историческими, грамматическими, этимологическими и иными комментариями. Минимальной разновидностью комментария была атрибуция — простое отнесение образца к тому или иному языку или народу («Graece, communiter», «Graece, ex diversis dialectis», «Antiqua Germanorum lingua»[1]). Каждый язык в таком «репертуаре» говорил сам за себя, что делало книгу многоголосой — «полиглотом»: явление, необычное не только по меркам наших дней, но и в XVI в., когда тексты печатались преимущественно на латинском или каком-то одном народном языке; право на «голос» уже получили греческий и древнееврейский, однако не все типографии располагали для этого шрифтами.

От источников и формы представления языкового материала перейдем к авторам книг о языках, которых иногда называют «филоглотами» (ср. Dini 2014, 32). Как можно убедиться, «случай Гесснера» (будучи полигистором и практикующим врачом, он составлял «Митридат» одновременно с «Историей животных» и «Универсальной библиотекой»), уникальный по своим масштабам, обладал тем не менее некоторыми типическими и закономерными чертами, характеризующими исследователей языков в XVI в. Среди составителей книг-полиглотов мы

[1] «На общем греческом», «На других диалектах греческого», «На древнем языке германцев» (Megiser 1603, A3a/b, A8a).

находим востоковедов-мистиков Гийома Постеля и Тезео Амброджо дельи Альбонези (причем первый известен также как путешественник, географ и математик); богословов и грамматиков Теодора Библиандера и Каспара Вазера; историка Иеронима Мегизера; руководителя Ватиканской типографии и библиотекаря Анджело Рокку; юриста и полимата Клода Дюре. Авторами исследований, посвященных истории и этимологии отдельных языков, также оказывались представители разных наук и профессий: собрания французских этимологий составлены врачом-анатомом Жаком Дюбуа и философом и математиком Шарлем де Бовелем, сопоставительный словарь латинского, греческого, немецкого и чешского языков — грецистом и корректором в типографии Фробена Зигмундом Гелением, критикой этимологий Бовеля занимался правовед Вольфганг Хунгер и т. п.

Иными словами, лингвистикой обычно занимались не «в поле» в современном смысле слова, но «на полях» других наук, в том числе естествознания и медицины. Это не удивительно, если принять во внимание, что языкознание как самостоятельная дисциплина оформилось значительно позднее. Кроме того, гуманистическое образование, которое получали практически все ученые того времени, несомненно, давало интересующимся некоторые представления о языковых древностях. В свою очередь, маргинальное положение языковых штудий объясняет то, почему работы о языках нередко появлялись как относительно случайные публикации (см. далее об «Алфавите» Постеля) или, напротив, составлялись многие годы и в итоге оставались незавершенными (как «Защита немецкого языка» Хунгера, «Сокровищница» Дюре и второе издание «Митридата» Гесснера). Менее очевидно и заслуживает внимания другое обстоятельство: если среди авторов книг-полиглотов мы и обнаруживаем преподавателей грамматики, то, как правило, это специалисты по восточным языкам (древнееврейскому, арабскому, сирийскому). Изучение языкового многообразия и классификация языков в этот период были связаны с различными науками, однако не имели прямого отношения к «Grammatica» как дисциплине тривиума, основанной на античных описаниях латинского языка.

В нашей работе речь пойдет о книгах-полиглотах XVI в. как форме описания языкового многообразия. Непосредственные задачи каждого из этих сочинений, сформулированные авторами или имлицитно отраженные в тексте книг, а также их композиция будут проанализированы в контексте истории их создания, а также в связи с маргинальным положением лингвистики, ее теоретической и практической зависимостью от других научных дисциплин. Рассмотрев устройство и источники полиглотов первой половины столетия, мы посвятим бóльшую часть работы труду, унаследовавшему их достижения, — «Mithridates. De differentiis linguarum» (1555) Конрада Гесснера. Выбор его в качестве основного объекта объясняется целым рядом обстоятельств: хорошей документированностью и изученностью биографии автора; значительными успехами Гесснера в других науках, что позволяет оценить их влияние на трактовку языков в справочнике; известностью, которую получил полиглот Гесснера[1], вызвавший появление целого ряда продолжений и подражаний, вплоть до «Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde» И. К. Аделунга в XIX в.

Такой подход, фокусирующий внимание на форме научного сочинения и ее взаимосвязи с определенными практиками научной деятельности, определяет новизну нашего исследования применительно к изучению раннего этапа компаративистики и исторической лингвистики. Действительно, деятельность ученых раннего Нового времени обычно рассматривалась историками языкознания с позиции истории идей и генезиса лингвистических теорий. В этих аспектах Ренессанс как период расцвета антикварных исследований и вместе с тем возвеличивания народных языков активно изучался исследователями начиная со второй половины XX в. Из важнейших работ отметим книги Д. Дройкса «La Linguistique et l'appel de l'histoire (1600–1800)» (Droixhe 1978) и М.-Л. Демоне «Les Voix du signe: Nature et origine du langage à la Renaissance (1480–1580)» (Demonet

[1] «Митридат» Гесснера входит в тройку самых упоминаемых лингвистических трудов гуманистов в специальных библиографиях и справочниках вплоть до конца XVIII в. (Van Hal 2012, 45).

1992), серию статей Дж. Меткафа, переизданную в отдельном томе «On language diversity and relationship from Bibliander to Adelung» (Metcalf 2013), раздел М. Тавони по языкознанию эпохи Возрождения в многотомной «Истории лингвистики» (Tavoni 1984), а также популярную работу У. Эко «Поиски совершенного языка в европейской культуре» (Эко 2007).

В отечественной историографии, впрочем, по-прежнему нет обобщающей работы о лингвистических теориях XVI в. Академическая «История лингвистических учений», издававшаяся в Ленинграде в 1980–1991 гг., к сожалению, остановилась на томе о позднем Средневековье. Известная книга Л. Г. Степановой, содержащая подробнейший анализ многих тем языкознания Ренессанса, посвящена исключительно итальянской лингвистической науке, которая в силу особого положения итальянского языка и самой Италии — прямой наследницы Рима большей частью была занята внутренней проблематикой (языковые древности, отношение итальянского языка к латыни, диалекты и их литературный статус и др.). Поэтому более широкой классификации языков в этой книге посвящена лишь одна небольшая глава, рассматривающая весьма необычную модель, предложенную в «Эрколано» Бенедетто Варки (Степанова 2000, 257–264). Впрочем, о развитии в России интереса к филологии и лингвистике в период гуманизма свидетельствует, например, выход монографии А. В. Карабыкова «Грезы Ренессанса», в которой дана обширная панорама подходов к «обретению адамического языка», развивавшихся в XVI–XVII вв., от изучения священной истории до опытов создания универсальной письменности (Карабыков 2022). Чуть раньше была опубликована комментированная антология «Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI вв.» (Иванова, Шумилин 2016): среди прочего в ней можно найти комментированные переводы диспута о языке древних римлян из «Застольных бесед» Поджо Браччолини, фрагментов «Митридата» Гесснера, а также «Диатрибы о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера.

При изучении «Митридата» и его места в научном наследии Гесснера я опирался как на доступные биографические

и автобиографические источники, так и на многочисленные исследования жизненного пути и трудов его автора. Гесснер известен не только как составитель энциклопедий по библиографии, ботанике, зоологии, суммирующих знания, собранные предшественниками, но и как исследователь, предложивший новаторские решения в этих и других областях науки. Особенно подробно был изучен его вклад в развитие естествознания (Friedrich 1995; Fischel 2009; Springer, Kinzelbach 2009[1]) и библиографии (Sabba 2012). Значение «Митридата» для языкознания раннего Нового времени и особенно заслуги Гесснера перед историей германистики и компаративистики также неоднократно отмечались филологами и историками науки, рассматривавшими трактовку тех или иных языков в главах справочника (Dini 1997, 2014; Fiacchi 1996; Metcalf 1963a; Peters 1974; Poppe 1986, 1992), источники книги и отраженные в ней теоретические представления о языке (Colombat 2006a, 2006b, 2007, 2008; Metcalf 1963b; Peters 2019). В 2009 г. в известной серии «Travaux d'Humanisme et Renaissance» под редакцией Бернара Коломба и Манфреда Петерса вышло новое издание «Митридата» с французским переводом (Mithridates 2009) — результат работы международного коллектива авторов, скрупулезно прокомментировавших представленный в книге языковой материал, в том числе «specimina linguarum». «Митридат», таким образом, представлен в этом издании как источник не только по истории языкознания, но и по истории соответствующих языков.

Учитывая достижения историков лингвистики и гесснероведов, в *методическом* отношении я следовал подходам, применяющимся в современных исследованиях проблем управления научной информацией в раннее Новое время и, в частности, компилятивных практик гуманистов. Изучение технологии составления и издания справочных трудов XVI в. подразумевает установление источников цитат, из которых в буквальном смысле «сшит» текст этих сочинений, а также изучение принципов

[1] В этом году ожидается выход комментированного перевода минералогического сочинения Гесснера (Schierl 2025).

цитирования (маркирования цитат, точности их передачи), способов работы компиляторов (отбора библиографии, ведения читательских дневников и записных книжек и т. п.), наконец, выражения собственной позиции автора среди множества голосов, звучащих на страницах книги. Поскольку речь идет о научной литературе гуманистов, продолжающей античную традицию, предмет изучения *par excellence* составляют новолатинские справочные издания, хотя их сравнение с переводами на народные языки, а также с оригинальными вернакулярными трудами также многое дает для понимания специфики этих текстов. Основополагающую роль для этого направления исследований имеют публикации Энн Блэр, в первую очередь монография «Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age» (2010), вышедшая теперь и по-русски (Блэр 2023); также можно упомянуть более специальные работы У. Лёя (Leu 1990), С. Кусукавы и Ф. Эгмонд (Kusukawa 2012; Egmond, Kusukawa 2016), Р. Йео (Yeo 2014) и многие другие, на которые мы будем ссылаться далее. Применительно к истории сравнительного языкознания важный шаг в этом направлении был сделан Т. Ван Халом, показавшим значимость справочных компиляций, библиографий, диссертаций и паратекстов различных изданий (то есть вспомогательного и подготовительного материала) не только как источника по истории науки, но и как инструмента ранней институционализации лингвистики, обеспечившего доступность научной информации в этой области знаний (см. Van Hal 2012).

Эта книга преимущественно посвящена двум вопросам, находящимся на периферии собственно истории науки: *причинам* изучения многообразия языков и *формам* представления языкового материала в XVI в. Я полагаю, что на доинституциональном этапе развития лингвистической компаративистики (как и любой другой области науки) такого рода вспомогательные моменты, обусловленные культурным контекстом, могли играть решающую роль как в стимулировании непрерывного и поступательного процесса исследований, так и в определении его параметров. Панорама *идей* о происхождении, развитии и родстве

языков, имевших хождение в XVI в., также будет представлена в книге, но лишь приблизительно и ad hoc — в той мере, в какой это необходимо для понимания нашего материала — книг-полиглотов. Также я кратко, но с опорой на первоисточники изложу *биографию* Конрада Гесснера, уделив основное внимание ее раннему этапу — периоду формирования его научных интересов.

Основу этой книги составил текст кандидатской диссертации, начатой в 2007 г. и защищенной летом 2018 г. Занятия историей науки и новолатинской филологией в последующие годы[1] позволили существенно переработать и дополнить главы монографии и справочный аппарат. Леонарду Георгиевичу Герценбергу, направлявшему мои научные поиски и открывшему для меня многообразие языков в исторической перспективе (если назвать лишь важнейшее из открытий), и Николаю Николаевичу Казанскому, который поддерживал мои научные и библиографические занятия в Институте лингвистических исследований, я безгранично признателен за уроки и учительскую заботу. Мое знакомство с историей книги и культурой Возрождения происходило в стенах Научной библиотеки Петербургского университета, где я всегда находил вдохновение и τὶ καινόν. Беседы с Николаем Ивановичем Николаевым, моим шефом, помогли критически взглянуть на многие гипотезы и формулировки этой работы. Но более всего меня поддерживали благоразумие и оптимизм моей жены Анны, благодаря которой я не свернул с выбранного пути.

20.XI.2024
Petropoli

[1] См. особенно (Сергеев 2021; 2023a; 2023б; 2024a; Сергеев, Воробьев 2023; Sergeev 2019; 2021b; Sergeev, Van Hal 2024).